

УДК 821.352.3
ББК 83.3 (2=Ады)5
Х 25
И.Н. Хаткова

Своеобразие жанра «путешествия» в адыгской литературе XIX века
(Рецензирована)

Аннотация:

В статье рассматривается специфика жанра «путешествия» в литературе, его генезис, основные разновидности. Как наиболее яркие образцы «путешествия» в адыгской литературе середины XIX века «Долина Ажитугай» Султана Казы-Гирея и «Путевые заметки» Султана Крым-Гирея (Инатова) анализируются в аспекте их структурных особенностей.

Ключевые слова:

Жанр, литературное «путешествие», путевой очерк, структура, литературная форма, национальный колорит, менталитет.

За жанром путешествий многие литературоведы давно признают собственно литературное значение и предлагают рассматривать «путешествия» как произведения художественной литературы. «Путешествие» - это собирательная литературная форма, включающая в себя на правах целого элементы различных жанровых образований. Здесь нет разграничений между видами, традиционно разделяемыми на «научные» и «художественные» (и роман, и повесть, и трактат, и статья). Но это не означает её подчинения чужой жанровой логике как художественной (не роман, не повесть и т.д.), так и научной (не трактат, не статья). С одной стороны, «путешествия» понимаются как действительные путешествия в действительном пространстве (путешествия, так сказать, без кавычек). С другой – они же выступают как литературные произведения («путешествия» в кавычках), принадлежащие в этом качестве вполне определённой литературной, жанровой традиции. Смысл всего текста как бы двойится: то ли перед нами географическое пространство, то ли – «литературное», идёт ли речь о факте действительном или о литературной реалии.

Путешественник вносит организующее начало в жизненный хаос (знаком которого является уже сам выбор маршрута), преобразуя его в особый культурный мир своего путешествия в соответствии с целью (научной, литературной и т.д.), определяемой положением путешественника в сфере культуры (учёный, литератор и т.д.). Таким образом, всякое путешествие является аналогом познавательной человеческой деятельности вообще, если та осуществляется с определённой культурной позиции, имеет заданный культурный характер. Путешествие подчиняется в сущности той же эпической закономерности, что и течение человеческой жизни: переход от одного впечатления к другому, появление новых картин и персонажей. Но если процесс познания как таковой не требует обязательной фиксации познанной и освоенной действительности в виде её модели, закреплённой в той или иной форме, то созданный путешественником мир закономерно должен «материализоваться» и приобщиться в этом качестве к объективным ценностям культурного ряда.

Как идея свободы была осознана главная жанровая идея «путешествий» в литературе. Поэтому «путешествие» понималось как литературная форма, обладающая максимумом возможностей для ничем не ограниченного выбора предметов изображения и столь же свободного, по воле автора, перехода от одного такого предмета к другому. Идея свободы пронизывает все уровни художественной структуры «путешествия» и закрепляется в его конструктивной основе как принцип свободного, бессюжетного повествования. С другой стороны, она подспудно разрушает замкнутость «путешествия»

как автономного художественного текста, стремится вывести произведение за пределы литературного ряда как такового.

Как известно, в жанре «путешествия» дифференцировались два основных типа: один – собственно Стерновский, где настоящего описания путешествия, в сущности, нет. Основное внимание уделяется внутреннему миру человека, его чувствам, переживаниям, реакции на увиденное. Надо отметить роль, сыгранную сентиментализмом в развитии литературных «путешествий». Сам термин «сентиментальный» был введён в литературный обиход, как известно, заглавием одного из «путешествий» - «Сентиментального путешествия» Стерна.

Другой тип «путешествия» представлен Дюпати. Это своеобразный гибрид, где чувствительность, лиризм, меланхолия и т.п. отступили на второй план перед потоком исторических, этнографических, географических и прочих сведений, которые переплелись с рассуждениями и различного рода сценами.

В России образцами этих двух типов стали «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, которые имели многочисленных последователей и подражателей. Если в литературном «путешествии» первого типа нежное чувствительное сердце, способ восприятия и оценки действительности становятся предметом изображения, то особенностью второго является органическое сочетание достоверных, документально точных описаний разных сторон народного быта с авторскими размышлениями и выводами.

Подобные образцы литературы «путешествий» можно найти и в творчестве адыгских писателей-просветителей XIX века. Прежде всего, это «Долина Ажитугай» Султана Казы-Гирея и «Путевые заметки» Султана Крым-Гирея (Инатова).

Как известно, очерк «Долина Ажитугай» был опубликован в первом томе журнала «Современник» А.С.Пушкина в 1836 году, факт сам по себе значительный. Более того, А.С.Пушкин написал послесловие к очерку: «Вот явление, неожиданное в нашей литературе. Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке; любопытно видеть, как Султан Казы-Гирей (потомок крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русский офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце; как, наконец, магометанин с глубокой душою смотрит на крест, эту Хоругвь Европы и просвещения» [1: 131].

«Если исходить из приемов и принципов изображения жизни в этом произведении, из его структуры и построения, то оно, несмотря на наличие в нем вымысла, является без всяких оговорок путевым очерком, столь широко представленным в русской литературе первой половины XIX века. Это произведение близко...жанру путевого очерка, в котором человек передавал свои впечатления, почерпнутые в путешествиях», - совершенно справедливо отмечает А.А.Хакушев, определяя жанр произведения «Долина Ажитугай» [2: 136]. Здесь соотносятся две ведущие темы: рассказ о виденном в ходе поездки и рассказ о переживаниях, вызванных дорожными впечатлениями, воспоминаниями и т. д.

По традиции, идущей от Н. И. Новикова и А. Н. Радищева, в начале XIX века в литературе «путешествий» было принято выделять в заглавии произведения место путешествия, поездки. Эта традиция сохранила свою силу и в русской кавказской очеркистике 20-30-х годов XIX века («Путешествие в Арзрум» А.С.Пушкина, анонимная «Поездка в Грузию» и т.д.). Следуя этой традиции, Казы-Гирей называет свой очерк «Долина Ажитугай», давая подзаголовок «За Кубанью, 3 июня 1834-го». Таким образом, он точно указывает место и время описанного путешествия.

Родная земля, ее природа оказываются в центре внимания автора. В соответствии с традицией пейзаж является неотъемлемым компонентом путевого очерка. Поэтичным картинам природы придается национальный оттенок. Первое, очевидное, что определяет лицо народа, - это природа, среди которой он вырастает и совершает свою историю.

Использованы повторяющиеся образы: камня, гор, рек, деревьев, – каждый из которых имеет устойчивое психологическое значение для человеческого сознания. Все эти понятия символически взаимосвязаны и могут представлять космос во всей его полноте. По мысли Г.Д. Гачева, «...здесь коренится и образный арсенал литературы, обычно очень стабильный: например, роль гор как мировых координат в искусстве народов Кавказа...» [3: 47]. Трудно найти произведение о Кавказе, где не встречалась бы субстанция гор той или иной формы, размера, качества. Горы – одна из характерных тем творчества русских путешественников по Кавказу. Гора для путешественника – понятие многоплановое. Для него это не только объект творчества, но философия природы. Первоначально доминировавший эмоционально-психологический уровень его восприятия доходит до более глубоких истин, до обобщений и выводов более широкого плана, до философского понимания смысла гор. Гора – вертикаль, связывающая верх и низ, что определяет двойственность представлений о горе, с одной стороны, как о чистом, с другой – как о демоническом локусе. Божественное, светлое начало связано с небесным, а темное и страшное – с подземным царством горы.

Природа определяет и цветовую символику, цветовые эпитеты, придающие красочность и эффектность всей зрительной картине. Изображая прелесть величественной природы Кавказа, Казы-Гирей представляет ее живой, полной динамики. Например, описывая реку, автор отмечает: «Река изливается из чаши, и потом, наполняя свои берега прозрачными волнами, она исчезает из вида, как будто поглощаемая пастью чудовища» [4: 205].

Природа Кавказа превосходит самые совершенные создания высокого искусства: «Очарованный прелестными картинами моей дикой родины, с которою давно не видался, я невольно и в совершенной забывчивости смотрел на нее: так заманчиво и разнообразно она стояла предо мною: я едва верил глазам, что я на Кавказе; мне казалось, будто сижу в креслах петербургского театра, увлекаясь прелестными декорациями волшебной оперы; но кто видел великолепие природы, тот не захочет смотреть на рабское подражание искусства» [4: 204].

Чарующие картины горного пейзажа перемежаются воспоминаниями о беззаботном детстве, прошедшем в родных местах. Воодушевляя писателя, пробуждая высокие стремления души, природа наводит и на горькие раздумья о своей судьбе.

У А.С.Пушкина в его «Путешествии в Арзрум», написанном в то же время, что и «Долина Ажитугай» Казы-Гирея, также находит отражение мотив воспоминаний. На протяжении повествования Пушкин все время вспоминает о своих прошлых поездках и, так или иначе, сравнивает свои впечатления с предыдущими. Приехав в Ставрополь, писатель вспоминает свою первую поездку на Кавказ, определение «те же» к слову «горы» отсылает читателя к первому впечатлению о них. Описание Кавказских горячих вод также построено на сопоставлении настоящих впечатлений с прошлыми. Точно так же пытается воскресить картины прошлого, ищет его следы Казы-Гирей в «Долине Ажитугай»: «Все звало меня к прежним забавам юношества... И там повсюду воспоминания толпились в моей памяти...» [4: 201].

Таким образом, природа в очерке Казы - Гирея важна не сама по себе, а теми мыслями и чувствами, которые она пробуждает. Автор хорошо понимает, что нужны не только описания, но и его впечатления об увиденном. Описания родного края переплетаются с раздумьями автора о судьбе своей земли, своего народа, его будущем и настоящем. И в сказочную идиллию, созданную автором, властно вторгается действительность. Казы-Гирей живо отзывается на нынешние социальные проблемы своего края, открыто говорит о невзгодах своей родины. Причиной всего он считает войну, уничтожающую все богатства. Представив читателю прелестную зарисовку долины, автор тут же замечает: «... и тут в 1815 году была кровопролитная битва между горцами и русскими» [4: 203]. Казы - Гирей точно так же, как и Пушкин в своем «Путешествии в Арзрум», создает контрастную картину прекрасной земли, полной

богатств и разрушений, принесенных войной. Новые приметы времени, следы «губительной войны» автор встречает повсюду. Через пейзажные зарисовки Казы-Гирей постоянно напоминает о трагическом настоящем своего народа: «Прекрасный июньский вечер очаровал мои взоры, и чувства снова возвратились к природе. Последние лучи дневного светила спорили с сиянием русского штыка, как будто желая помрачить его победоносную славу... Наконец и на этот раз, как всегда, он победил соперника. Солнце, нисходя, скрылось за горою; а штык все еще светился пред моими глазами; но оно спряталось только от моих взоров, не сводя впрочем своих пламенных лучей с вершин снежных громад величественной природы очаровательного Кавказа, которых девственные снега, как бы пристыженные нескромными лучами, загорались румянцем блистательного заката» [4: 204].

Писатель ищет пути выхода из создавшегося положения своего народа. Нужно отметить, что ситуация на Кавказе, способы решения кавказской проблематики волновали передовые умы того времени. Неоднократно эту проблему затрагивает в своем творчестве А.С. Пушкин. Особенно открыто он говорит об этом в «Путешествии в Арзрум». Отмечая, что черкесы ненавидят русских, он вполне логично объясняет причины этой ненависти: «Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены» [5: 258]. Писатель размышляет о последствиях этой политики: «Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадежна; они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам... Здешняя сторона полна молвой об их злодействах. Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить, по причине господствующих между ими наследственных распрей и мщения крови. Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство - простое телодвижение» [5: 258].

Задаваясь вопросом, где же выход, Пушкин, убежден, что нельзя действовать оружием, нужно сближать горцев с Россией мирными способами. Просвещение, культура, торговля и «христианские миссионеры», т.е. христианская религия - вот что может благоприятствовать сближению горских народов и России. Пушкину близок автор «Долины Ажитугай», тоже готовый представить тысячу планов для преобразования своего края. Изображая пейзаж, Казы - Гирей с волнением пишет о памятнике, гранитном столбе, который величаво и гордо стоял в родном ущелье, напоминая о страницах истории адыгов, в прежние времена обитавших на этих местах. Автор соотносит свою судьбу с судьбой одинокого старика, как он называет памятник, также отторгнутого от своих близких.

Придавая определенную форму камню, с очень ранних времен люди пытались выразить то, что считали душой или духом. Во многих случаях эта форма более или менее точно повторяла человеческие черты. Таковы древние каменные могилы. Придание камню черт живых существ следует понимать как проецирование на него подсознания того или иного человека. Герой размышляет о бренности всего живого, о цели жизни и предназначении человека на земле. Блуждания в смысловых лабиринтах самости нашли свое предметное воплощение в символе-вещи – надгробном памятнике.

Этот образ помогает понять, в чем видит писатель средство разрешения национальных распрей: «Безобразный старик стоял угрюмо, нагнувшись к западу, бог знает для какой причины. Его мрачное чело было осенено грубоиссеченным крестом, эту хоругвию Европы и просвещения... Может быть, это знак торжества веры или победы... » [4: 208].

Встреча с гранитным столпом пробуждает в авторе мысли о том, что среди адыгов нет ученых, которые бы изучили и описали богатейшую историю своего народа, отсюда и незнание своего исторического прошлого.

Перед нами предстает образ путешественника, близкий самому автору, человеку, озабоченному состоянием своей родины и своего народа. По некоторым замечаниям, содержащимся в тексте, можно кое-что узнать об авторе. Это человек, офицер, по всей вероятности, образованный, он служил в русской армии, бывал в столице, посещал театры, слушал оперу. Автор в совершенстве владеет русским литературным языком, знаком с русской литературой и историей. Например, он цитирует полководца А.В. Суворова, поэта К. Батюшкова. Язык очерка «Долина Ажитугай» пересыпан русскими поговорками и крылатыми выражениями. Как отмечает А.А.Хакушев в своем исследовании [2:142], по своим стилистическим признакам очерк Казы - Гирея примыкает к романтической школе. Все конкретные вещи, места, факты даются через субъективное восприятие автора. Писатель увлеченно наслаждается гармонией природы, красотой пейзажа. Отсюда та приподнятость и эмоционально-лирический характер стиля, что отличает пейзажные картины романтической прозы. Все впечатления и чувства автора раскрываются средствами романтической поэтики.

«Путевые заметки» Султана Крым - Гирея (Инатова), опубликованные в № 20 - 21, 24 газеты «Кубанские войсковые ведомости» в 1866 году, являются образцом другого типа литературных «путешествий».

Можно вспомнить, что еще в 1817 году А.С. Пушкин начал серьезно задумываться над особенностями очеркового жанра, в частности «путешествия». По свидетельству П.В. Анненкова, лицейский товарищ поэта Ф.Ф. Матюшкин получил от Пушкина при первом своем отъезде вокруг света, длинные наставления, как вести журнал путешествия. Пушкин долго разъяснял ему настоящую манеру записок, предостерегая от излишнего разбора впечатлений и советуя только не забывать всех подробностей жизни, всех обстоятельств встречи с разными племенами и характерных особенностей природы. Таким образом, уже в 1817 году Пушкин выступил против свойственного авторам путешествий сентиментального и романтического направлений излишнего разбора впечатлений, самоанализа и считал главным объектом внимания писателя - путешественника коренное население и природные особенности описываемого края. Эти теоретические принципы были использованы писателем при создании «Путешествия в Арзрум», поражающего своей исключительной конкретностью материала, простотой, ясностью и точностью языка. Взгляды Пушкина на задачи путевого очерка близки точке зрения декабристов на литературу «путешествий». Вместо обычного «сентиментального путешествия» декабристы выдвинули «путешествие» по родному краю с целью изучения нравов и обычаев, отражающих национальные черты народа. В декабристских «путешествиях» (Н.И.Муравьева-Апостола, Н.Бестужева, В. Кюхельбекера, Ф. Глинки, М.Ф. Орлова и др.) появляется думающий и рассуждающий о своем народе путешественник, своеобразный исследователь, художник, публицист, ставящий перед собой задачу исторического и социально-экономического обозрения своего края. Этнографические подробности становятся средством воссоздания своеобразия национальной жизни.

Необходимо отметить, что все эти особенности жанра были учтены Крым-Гиреем при создании своих «Путевых заметок». Следует заметить, что ко времени написания этого произведения (1866г.) жанр «путешествий», теряя некоторые характерные литературные черты, приходит к типу путевых заметок полубеллетристического характера, каковыми являются в 30-50-х годах путевые записки Греча, Погодина и др.

Крым-Гирей в своем произведении продолжает традиции очеркового творчества А.С. Пушкина и А.А. Бестужева-Марлинского. Известно, что в «Путешествии в Арзрум» Пушкина использован композиционный «прием возвращения», иначе называемый «кольцевой композицией». Марлинский в своих путевых очерках также использует этот прием, но поскольку его «путешествие» состоит из отдельных озаглавленных очерков, то конец каждого из них гармонирует с началом следующего.

В «Путевых заметках» Крым-Гирея мы видим аналогичный прием «кольцевой композиции». Автор, «наскуча однообразной жизнью в доме... родных,... решил отправиться в октябре 1862 года путешествовать по земле натухайцев» [4: 372]. Заканчиваются же «Путевые заметки» возвращением в то место, откуда он уехал – в дом родителей.

Специфической особенностью очерка, по сравнению с другими жанрами, является то, что вымысел в нем имеет гораздо меньший удельный вес. Это предопределило дневниковую точность «Путевых заметок», в которых зафиксировано только виденное и пережитое. Крым-Гирей описывает даже такие, казалось бы, малозначительные детали, как элементы материальной культуры: жилище, пищу, одежду. Это дается автором для более близкого ознакомления читателя с местным населением. Подобной цели подчинено и описание обрядов и обычаев адыгов. Наиболее подробно и конкретно изображены три основных, определяющих жизнь каждого человека обряда: празднование дня окончания жатвы, свадебный и похоронный ритуалы.

Автор в своих «Путевых заметках» касается и таких важных обычаев и обрядов, характерных для адыгов, как обычай устраивать праздник, увеселение по поводу рождения ребенка, а также по поводу болезни человека, пытаясь развлечь его и отвлечь от его страданий.

Большое внимание в своем произведении Крым-Гирей уделяет и общественным установлениям адыгов, отмечая господство у них адата, местного, веками освященного обычая, который «так укоренился в горах, что, не будь таких строгих проповедников шариата, как Хаджи-Магомед или Магмет-Амин, черкесы с ним еще не скоро расстались бы в некоторых случаях» [4: 382]. Писатель считает горский шариат «оригиналом в своем роде», так как он составлялся у закубанцев из двух элементов: положений Корана и местных обычаев.

Крым-Гирей в «Путевых заметках» касается и такой важной стороны общественного быта адыгов, как воспитание, в котором важное место занимает аталычество. Автор пытается обосновать наличие этого обычая: «Аталык и его жена (нянька) через воспитание детей знатных фамилий входили в родство с последними, обоюдная дружба их переходила из поколения в поколение: ни время, ни люди не могли уничтожить её» [4: 383].

В традициях литературы «путешествий», характерной чертой которых является описание автором неизвестных прежде ему и читателям земель, народов, повествование об их нравах и обычаях, Крым-Гирей, оторванный с детства от родных мест, привычного образа жизни, во многих вопросах общественного быта народа несведущ. Автор смотрит на все как иностранец. Он видит окружающую жизнь, быт, нравы черкесов глазами европейского проводника по Кавказу. Основной чертой путевого очерка является непосредственное общение автора с описываемыми людьми. В «Путевых заметках» горская жизнь представлена в «повседневности», но не принижена до натурализма.

Таким образом, можно считать произведения адыгских писателей - просветителей «Долина Ажитугай» Казы-Гирея и «Путевые заметки» Крым-Гирея образцами существовавших в русской литературе двух основных типов жанра «путешествия».

Примечание:

1. Пушкин А.С. Статьи и заметки // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 15 т. Т. 10. М., 1998.
2. Хакуашев А.А. Адыгские просветители. Нальчик, 1978.
3. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М., 1988.
4. Адыгские писатели-просветители XIX века: Избранные произведения. Краснодар, 1986.
5. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 15 т. Т. 7. М., 1998.